

Сы Ханьцзюэ снял полотенце, вытирая капающие чёрные как смоль волосы.

[Конфетка: !!!!!]

Конфетка не смеет смотреть!!!

Поскольку Сы Ханьцзюэ был здесь, Тан Сяотан не мог закрыть глаза лапками. Он смущённо закатывал глазки, его маленькое тельце мгновенно стало тёмно-красным!

Возможно, из-за того, что свет был тусклым и создавал интимную атмосферу, Сы Ханьцзюэ не заметил изменения цвета Тан Сяотана. Он лёг на кровать, посмотрел на компьютере несколько файлов и, уже за час, наконец почувствовал некоторую сонливость.

Сы Ханьцзюэ выключил компьютер, положил голову на одну руку и, глядя на мармеладного мишку на прикроватной тумбочке, сказал Тан Сяотану:

— Сяотан, спокойной ночи.

Сы Ханьцзюэ снова погрузился в глубокий сон под гипнотическим сладким ароматом. Этой ночью ему снова не снились кошмары, лишь брови по привычке были плотно сведены.

Тан Сяотан смотрел на спящее лицо хозяина, сквозь хрустальную шкатулку проводя по его контуру.

Он больше не смел бесцельно бегать, боясь, что хозяин заметит его странности. К тому же, сегодня хозяин выдал столько плюшек, что конфетка, придя в возбуждение, в конце концов тоже почувствовала некоторую усталость.

Приподнятый ротик медвежонка хранил дыхание счастья, беззвучно говоря Сы Ханьцзюэ:

— Хозяин, пока с тобой конфетка, тебе не будут сниться кошмары.

Когда же ты узнаешь, что одна конфетка сегодня тоже изо всех сил старалась сделать тебя счастливым?

Утром Сы Ханьцзюэ с ясной головой и бодрым духом открыл глаза.

Глубокий сон погрузил сознание в тёмные и безопасные глубины океана, мирская суета осталась снаружи. Нежный сладкий аромат мармеладного мишки мягко обнимал его. Сладкий запах казался осязаемо тёплым, подобно идеально комфортному потоку тёплой воды, мягко и волнующе обволакивая уставшее тело, обладая магией, доводящей до блаженства.

Сы Ханьцзюэ невольно потянулся, взглянул на часы — было всего шесть утра.

Ночь ещё не полностью отступила, постепенно прибывающий рассвет уже просачивался сквозь щели в шторах.

Под одеялом была идеальная температура. Если бы в этот момент кто-то прижался к нему в объятиях, нечётким от сна голосом, полным любви, поцеловал его в лоб и сказал:

— Доброе утро.

Одна только мысль об этом вызывала щемящую нежность в сердце.

Из-за трагедии в семье родителей в костях Сы Ханьцзюэ таилась глубокая холодность и отвращение к миру. Но он тоже бесчисленное количество раз фантазировал, надеясь, что и он сможет обрести такое простое и тёплое счастье.

Его мир был грязным и тёмным, поэтому та чистая улыбка так легко проникла в его сердце.

Сы Ханьцзюэ срочно остановил эти опасные чувства.

Они создавали у него ощущение кризиса — будто у него появилась слабость.

Он глубоко вздохнул и потянулся к телефону на прикроватной тумбочке. Повернув голову, он увидел изогнутую вверх линию губ мармеладного мишки.

Пробравшийся сквозь шторы лучик утреннего света упал на хрустальную шкатулку мармеладного мишки. Прозрачная шкатулка сверкала мириадами звёздочек, переливаясь. Розовое тельце медвежонка приобрело почти фантастически чистую прозрачность. Из-за позы голова Тан Сяотана была слегка наклонена, а маленький хохолок на макушке, прижатый хрустальной шкатулкой, превратился в изогнутый косичкой хвостик. С самым милым видом, в первом луче утреннего солнца, с приподнятыми уголками губ он беззвучно говорил:

— Хозяин, доброе утро!

Такая милая улыбка сама по себе улучшала настроение.

Сердце Сы Ханьцзюэ смягчилось, он машинально снял мармеладного мишку с тумбочки. Открыв хрустальную шкатулку, он взял мягкое пружинистое тельце Тан Сяотана, положил на ладонь и разглядывал его.

У Тан Тана хорошо получалось делать вещи своими руками. Озорное и радостное выражение лица мармеладного мишки было очень реалистичным. Хотя это был всего лишь медвежонок, в чертах лица просматривалось некоторое сходство с Тан Таном — Тан Тан в стиле кубы.

Сы Ханьцзюэ вспомнил, что Тан Тан, кажется, в свободное время ещё рисовал манху.

Неудивительно, что даже медвежонок получился таким милым.

Он свел вместе два длинных пальца и нежно щёлкнул медвежонка по лбу.

Маленький хохолок на голове медвежонка качнулся. Это было беззвучное требование Тан Сяотана:

— Хозяин, за что ты обижаешь конфетку?

Конфетка — не домашний питомец!

Он сидел на ладони Сы Ханьцзюэ, жаркая температура вызывала зуд в попке.

Тан Сяотан не знал, почему у конфетки тоже может быть такое чувство, как зуд, но ему было как-то не по себе. Сы Ханьцзюэ то дёргал его за ручку, то за ножку, то тянул за ушко, а ещё любил щёлкать по лбу медвежонка, наблюдая, как всё его тело пружинисто покачивается.

Конфетка была в полном недоумении.

Хозяин такой скучный, когда ему скучно, он любит обижать конфетку.

Тан Сяотан немного поиграл с Сы Ханьцзюэ и почувствовал, что сахар на его попке начал немного размягчаться.

Ай-яй, тело мармеладного мишки очень нежное, но Сы Ханьцзюэ, словно подсев, никак не хотел его отпускать.

Тан Сяотану было и смешно, и досадно, он мог лишь работать по принуждению. Через некоторое время выражение лица Сы Ханьцзюэ изменилось, он о чём-то подумал, протянул руку и немного раздвинул его ножки.

[Тан Сяотан: ???]

Сы Ханьцзюэ прищурился и раздвинул другую ножку.

[Тан Сяотан: !!!]

Конфетке же нужна репутация!

Оказывается, Тан Тан ещё вылепил у мармеладного мишки там крошечный маленький хохолок. Мужчина радостно рассмеялся. Этот на вид нежный и милый юноша мог быть и таким озорным.

Он вспомнил, когда встретил Тан Тана, тому было всего девятнадцать. За несколько дней до происшествия Тан Тан только отпраздновал своё двадцать второе день рождения.

За три года он превратил этот тёплый и чистый нефрит в образ, который любил больше всего.

Уверенный в себе, солнечный, оптимистичный, добрый.

Он подарил ему все прекрасные качества, которых сам был лишён.

А в этот момент Тан Сяотан лишь чувствовал, как его лицо пылает. К счастью, света в комнате было недостаточно, и Сы Ханьцзюэ, кажется, не заметил его изменений. Но из-за смущения всё маленькое тельце, казалось, нагрелось, на попке появилось липкое ощущение, конфетка, кажется, таяла...

Тан Сяотан осторожно пошевелил попкой, тут же поднял взгляд, следя за реакцией Сы Ханьцзюэ. Расстояние было слишком маленьким, красивое лицо мужчины по-прежнему вызывало у него шок восхищения. Только... взгляд Сы Ханьцзюэ, устремлённый на него, был отстранённым, словно он смотрел сквозь его тело на кого-то другого, совершенно не замечая его мелких движений.

Уголки губ Тан Сяотана непроизвольно опустились.

— Хозяин, почему ты перестал со мной играть?

О ком ты думаешь, хозяин?

Сладкая конфетка вдруг стала кисловатой — конфетка ревнует, хм!

Сы Ханьцзюэ очнулся и лишь тогда заметил, что ладонь стала немного липкой. Мармеладный мишка пролежал у него в руке слишком долго и, кажется, начал немного таять.

Как же трудно его сохранить.

Сы Ханьцзюэ положил мармеладного мишку у изголовья, оделся и встал, направляясь в ванную.

Тан Сяотан поспешно прикрыл лапками свой крошечный хохолок, обиженно поёживая попкой.

Конфетка тает, тает, что же делать, если конфетка растает!

Через некоторое время Сы Ханьцзюэ вернулся с феном, взял конфетку вниз головой и направил струю холодного воздуха прямо на попку.

Тан Сяотан висел вниз головой, не видя, что происходит, и лишь чувствовал, как какая-то гудящая штука дует на попку! Крошечный хохолок зябко болтался из стороны в сторону, чуть не оторвавшись.

Тан Сяотан безучастно лежал на пальце Сы Ханьцзюэ, печально опустив уголки губ, ёк: невинность конфетки была отдана этому зловредному фену...

Вскоре слегка подтаявший мармелад снова затвердел, но на круглой, гладкой и выпуклой попке остался небольшой изъян. Растёкшийся сахар плохо держал форму, словно остался шрам.

Сы Ханьцзюэ столкнулся с жизненной дилеммой.

Он знал, как вести переговоры по проектам на сотни миллиардов, знал, по какой точке тела ударить, чтобы убить одним ударом, но он действительно не знал, как ухаживать за конфеткой.

За мягкой, сладкой, капризной мармеладной конфеткой в виде медвежонка.

Он изо всех сил пытался вспомнить ограниченные знания из жизни о заботе о людях и в конце концов, озадаченный, достал иголку с ниткой, отрезал кусок от своей рубашки и сшил мармеладному мишке кривоватые трусики.

Он сделал, что мог.

Розовый мармеладный мишка в белоснежных трусиках спрятал свою растаявшую попку и крошечный хохолок. Уголки губ Тан Сяотана приподнялись: конфетка больше всего любит хозяина!

Сы Ханьцзюэ позвонил, кажется, говорил о переезде, а затем спросил, как можно починить handmade мармеладного мишку.

На том конце провода что-то сказали, и на лице Сы Ханьцзюэ появилось выражение внезапного прозрения.

Конфетка тоже не знала, насколько надёжен был тот человек на другом конце провода, но услышала, как тот с энтузиазмом предложил дурацкую идею:

[— Подожди немного два кусочка сахара и склей их вместе, разве не сработает??]

[Конфетка: ??????]

Что это за дьявольские речи?

Какой-то зловредный человек предложил поджарить конфетку?

<http://bllate.org/book/15589/1395424>